

«Забудьте имена пятидесяти знаменитостей, но помните имя Москвина!» — так писал критик о первой роли актера в первом спектакле Московского Художественно-общедоступного театра. Москвичи не стали заниматься столь неблагодарным делом, как забывание своих знаменитостей. Просто включили в их круг начинающего актера Ивана Михайловича Москвина. Первая роль принесла ему не просто успех — славу. С осени 1898 года слава шла по восходящей, переплеснулась из девятнадцатого века в двадцатый.

«Публика — ревет, хохочет... Москвин играет публикой, как мячом», — это Горький изумлен своим же странником Лукой, которого играет Москвин. Велика ли роль Родэ в «Трех сестрах»? Но «Москвин из маленькой роли артиллерийского офицера делает чудо: именно такой милый, веселый, картавый подпоручик есть во всякой артиллерийской бригаде», — это Куприн пишет автору пьесы. В Ялте в 1902 году Москвин прочитал Чехову его же рассказы. Пришлось по требованию просить автора каждый день у него обедать, а после обеда — читать. Автор «Унтера Пришибеева» и «Лошадиной фамилии» и актер, читающий-играющий персонажей, смотрит друг на друга смеющимися глазами: оба в пенсне, оба близоруки...

Чеховский-москвинский Епиходов с дурацкой физиономией, в начищенных скрипучих сапогах стал лицом нарцисстическим. Тяжко одинок был гениальный художник Арнольд Крамер из пьесы Гауптмана «Михаил Крамер». Федя Протасов завороченно слушал «Невечернюю», переживая одновременно радость бытия и страх смерти. «Сотрясается», — сказал Достоевский о своем штабс-капитане Снегиреве. В двух эпизодах из «Братьев Карамазовых» Москвин сотрясался и сотрясал зал. «Москвин великолепен» — привычны были эти слова и в прессе, и в самом Художественном театре с его требовательностью по отношению к себе.

Как истинный актер, Москвин был жаден до ролей. Случалось, брался не за свои. Быстро от них отходил. Свои же исполнял годами, десятилетиями, играя публикой, как мячом, в любом зале, на любой эстраде. Куролесили на российских просторах Ноздрев и Хлынов, выль-кричал в клетке плененный Емельян Пугачев, а профессор Горнотаз из «Любови Яровой» торговал сахаром вразнос, и профессора арестовывали все власти, смеявшиеся в Крыму. Видевший Москвина уже не мог представить себе иного Епиходова или Фому Опискина. Фому в «Селе Степанчикове» должен был играть Михаил Чехов, но уступил роль обожаемому им — не будем бояться старомодного слова — старшему, Москвину. Увидев совершенного Фому, Чехов от своей мечты отказался: ни прибавить, ни убавить нечего было злобному ничтожеству, одновременно смешному и страшному в борьбе за власть, в упоении властью над живыми душами.

Полвека прошло с тех пор как я увидела было «Горе от ума» в Художественном театре. С заснеженной Москвой за окнами фамусовского особ-

няка, с вереницей исторических портретов — фамусовских гостей. Первый среди них — Антон Антонович Загорецкий — Москвин. Крепкий и мягкий, с всевидящим взглядом, всеслышащими ушами. Подкрадывался, неслышим-невидим: «На завтрашний спектакль имеете билет?.. Позволь-

те вам вручить...». Все согладала российский в нем: от шныряющих при Грозном, до тридцатых годов девятнадцатого века, до тридцатых — двадцатого и дальше. Ни разу не повышал голоса, все время по ремарке автора «мешался в толпу» и был хозяином этой толпы.

Он всей душой принял принцип Станиславского — «нет маленьких ролей — есть маленькие актеры». Увлеченно играл вообще бессловесного Повара в «Чайке» или Горбуна в толпе «Доктора Штокмана». А Горбун этот запомнился возле такого создания божьего, каким был Штокман — Станиславский. «Маленьким шедевром» назвал москвинского Голутвина («На всякого мудреца довольно простоты») выданный, в то же время взыскательный его биограф В. Я. Виленкин. Беспредельно наглый репортер московских бульварных листов, жалкий и могущественный, ломающий чужие судьбы — московская плесень. А почему-то его жалко. Роли-образы актера так же вошли в сознание, в самую жизнь зрителей, как впервые прочитанная «Анна Каренина», впервые увиденное «Утро стрелецкой казни». Полное слияние актера с ролью. Полное слияние с любым зрительным залом. Свыше ниспосланный дар. Рано осознанное, осуществленное призвание.

Откуда эта неодолимая тяга к театру? Как вообще возникает призвание? Почему все многочисленные дети неудачливого таганрогского лавочника Чехова стали писателями или художниками? И один из них — Антон Чехов, а внук лавочника — Михаил Чехов? Московский неудачливый часовых дел мастер Михаил Москвин размышлял: куда пристроить сыновей, Ваньку и Мишку? Дать хорошее образование обоим было невозможно по недостатку средств. Мишку определили в реальное училище, старший же, Ванька, окончив трехклассное городское училище, пошел по тому же часовому делу. Профессиям своим оба изменили: братья-актеры, Москвин и Тарханов, вылетели из родного

18.06.94

на корытообразном лице — оба с нарочитой серьезностью и старательностью, падая назад, выдвигали под хохот публики отчаянный канкан...». Это была москвинская, шалпинская, бунинская Москва с ее театрами, сочетающими истовую традицию и поиски нового Хранителем был Малый театр, обновителем — Художественный. Москвин сочетал традицию и обновление. В юности его не приняли в императорское училище при Малом театре его же кумиры — Ленский и Михаил Провыч Садовский. Но нужно считать Москвина их учеником и продолжателем. Продолжателем в отношении к слову — в неисчерпаемости оттенков, в единстве тональности каждой роли. В создании образа-характера. В доверии к потоку жизни, из которого возникают эти характеры.

Попади Москвин в Малый театр, вероятно, сделался бы прекрасным «простаком», «комиком», да он и сделался таким в свой предматовский, коршевский сезон. Но стал актером нового театра. Театра режиссерского, в котором озаль и единичей отсчета оказался не актерский образ, но цельный спектакль. Спектакль

на корытообразном лице — оба с нарочитой серьезностью и старательностью, падая назад, выдвигали под хохот публики отчаянный канкан...». Это была москвинская, шалпинская, бунинская Москва с ее театрами, сочетающими истовую традицию и поиски нового Хранителем был Малый театр, обновителем — Художественный. Москвин сочетал традицию и обновление. В юности его не приняли в императорское училище при Малом театре его же кумиры — Ленский и Михаил Провыч Садовский. Но нужно считать Москвина их учеником и продолжателем. Продолжателем в отношении к слову — в неисчерпаемости оттенков, в единстве тональности каждой роли. В создании образа-характера. В доверии к потоку жизни, из которого возникают эти характеры.

ролями в Америке, с московскими проблемами, которые становились все более трудными. Огромное внимание, щедрая правительственная помощь, признание Художественного театра эталоном, образом, по которому все должны равняться. Ордена, звания, заседания Верховного Совета в Кремле. Москвин — депутат Верховного Совета первого созыва — в зале Кремлевского Дворца, когда принимается сталинская Конституция. Седые волосы, орден на лацкане пиджака, рука поднята в единогласном «за!» Рассказывает в зале Дома работников искусств о том, как мудр и прост Сталин; зал гремит овацией. Получает в огромной почте депутата Верховного Совета подробный план Дворца съездов с предписанием представить свои соображения, как использовать эту будущую громаду для спектаклей, заседаний, концертов. Ящики с депутатской почтой хранятся в музее театра. Вопли отчаяния, материнские слезы, письма-стихотворения, благодарности, просьбы, просьбы... Помогите — арестован сын. Помогите получить пенсию, хоть какую. Прописаться в Москве, получить

Тихая русская красавица — и московский миллионщик, умнейший, спокойный в сознании своего значения. Знаток сигар, женщин, живописи. Рассчитавший купить красавицу и полюбивший ее со всей силой страсти, перевернувшей его налаженную жизнь в великоколенном особняке. Так же, как в тридцатых годах перевернулась налаженная москвинская жизнь союзом с Аллой Константиновной Тарасовой. В роли сливалось счастье истинной, огромной любви и тоска прощания с женщиной, полюбившей другого. В роли сливалось восхищение Островским, сумевшим так написать Фрола Федулчу, восхитение силой и умом своего героя. Москвин — Прибытков сочетал жалость и безжалостность, широту и расчет, соединял Москву военную с той старой Москвой, которая слезам не верила и на грош алтын наживала. В ней началась и кончилась жизнь артиста Москвина.

После смерти Владимира Ивановича Немировича-Данченко в 1943 году он стал директором театра. «Взялся за гуж — не говори, что не дюж» — учили пословицы. И предостерегали: «Не под силу воз, так и гужи пополам...» Воз был непосилен. В сорок пятом Москвин стоял у гроба Хмелева, Сахновского. Видел, как уходит сила, распадается единство Художественного театра. В борьбе за это единство превозмогал свою болезнь и семидесятилетие встретил, конечно же, в роли Федора под торжественный перезвон театральных колоколов. Повторил имя — Федор — зимой сорок шестого, когда умирал. Ему все казалось, что в соседней палате лежит сын, названный в честь первой роли. Федор был летчиком, погиб, пропал без вести в начале войны. Рядом был старший сын Владимир, спутница всей жизни — жена Любовь Васильевна Гельцер. Им он спокойно сказал утром 16 февраля: «Сегодня преставился». И кончился с этим же словом: «Преставлюсь...». Хоронили его, конечно, без церковного пения, без лада, по чину, по рангу, с установлением мемориальной доски на доме, с переименованием Богословского переулка в улицу Москвина.

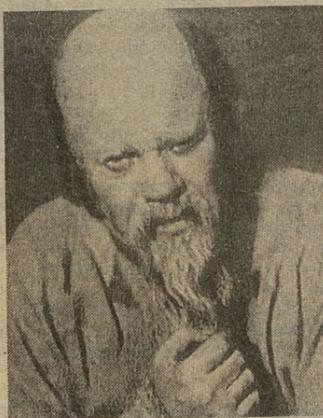
...В последней сцене «Федора» Москвин выходил на паперть Архангельского собора, зажав в руке копеечку. И подавал ее кому-то из молодых актеров, играющих нищих. Подавал тому, у которого видел больше веры в глазах, кто жил на сцене, как истинный артист Художественного театра. Сотни копеечек роздал он молодым. Его же стертая временем копеечка была неразменной. Так и осталась с ним — с великим актером России.

Е. ПОЛЯКОВА.

● Лука («На дне») ● Епиходов («Вишневый сад») ● Снегирев («Братья Карамазовы»).

НЕРАЗМЕННАЯ КОПЕЕЧКА

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. МОСКВИНА

гнезда, но не потеряли память о нем. Напротив, родовая память определила их искусство.

Как знали они, как любили Китай-город, все кольца Москвы, прорезающие их улицы. Ильинка, на которой родился и в часовой лавке служил Москвин, словно река, впадающая в пространство Красной площади. Своими были здесь торговые ряды и соборы, своим был вечный торговый шум и звон колоколов. Тем более что в Кремле жил родственник, допускавший к колоколам. Естественно, что мальчик с абсолютным слухом, со звонким голосом сделался певчим. И приработок получился, а главное — доскональное знание всех тонкостей и правил церковной службы. Недосыпал, целый день сидел в лавке или гонял по городу с заказами, так еще приходилось вставать задолго до зари, чтобы отстоять утреню, или часами пребывать на спектакле. Но столь важными были эти часы, что знаменитый Москвин всю жизнь старался их повторить, и любимым занятием его было составление хора из артистов, руководство этим хором. Регент — одновременно играющий регента, дьячок — одновременно играющий чеховского дьячка в «Хирургии» с Грибуниным, в «Канители» — с Блюменталь-Тамариной. Зрители всегда помирали от хохота — Шалпин, Сава Морозов, Ленин,

пионеры тридцатых, солдаты сороковых годов. Жизнь превращалась в игру, игра возвращалась в жизнь. Из своей жизни, своих заурядных в Кремле вырос Федор, «царь-пономарь» с его напрасным стремлением всех согласить, все сгладить. Из пеших походов к Троице возник странник Лука с его ласковыми утешениями страждущих. Федора и Луку играл до конца дней своих. Каждый раз так, словно слова персонажа рождались сейчас, как ответ на слово партнера. И всякий раз замирал зал, наполненный интеллигенцией или красноармейцами, когда вор Васка спрашивал странника Луку: «Старик, бог есть?» — и старик тихо отвечал: «Коли веришь, — есть; не веришь — нет...».

Всегда был душой «капустников». Вовлекал в их круговорот актеров, своих детей — Володю и Федю, актерских детей, вообще всех, кто попал в орбиту таких действ, как «Адмиральские именины» (нестерпимо важный адмирал — Москвин, матросы — Вахтангов, студийцы Художественного театра, боцман — Сулерджикий). А помните бунинский «Чистый понедельник»? «На капустнике» она много курила и все прихлебывала шампанское, пристально смотрела на актеров... на большого Станиславского с белыми волосами и черными бровями и плотного Москвина в пенсне

комнату, заказать очки, найти работу, сын на Кольме... Корявые буквы, написанные малограмотной старухой. Безукоризненно напечатанное письмо Владимира Ивановича Вернадского — просит за старую знакомую подругу Веры Фигнер. Уйма писем от рабфактовцев, школьников, красноармейцев — как стать артистом? где учат на киноартиста? на клоуна? Депутат объясняет ребятам, что надо сначала учиться в школе. Посылает лекарства, книги, помогает добиться пенсии, получить комнату, задержать выселение профессора из квартиры в центре. Помогает, отчетливо сознавая малую меру своих сил, невозможность переступить запретные границы, о которых не знают просящие. Помогите, помогите, вы знаменитый артист, наш народный, слава наша, наш депутат — помогите, помогите!..

«...Я — депутат Верховного Совета», — закричал он неистово. Закричал на человека, доложившего, что машина его ждет, можно ехать. Машина была предоставлена депутату Москвину 24 июня сорок первого года в горящем Минске, где гастролировал Художественный театр. «Я, депутат Верховного Совета, старший среди своих товарищей, брошу их!.. Стыдно, товарищи!». Машина немедленно была кому-то другому отдана. Мхатовцы уходили из Минска на Восток. В толпе беженцев — Андровская, Коренева, Вербицкий в парижском берете, впереди — Москвин с палочкой в руке. Лесом идти было безопаснее от бомбежек. На пенке Москвин раскладывал бритвенные принадлежности, выбрит был, как всегда, безукоризненно. В поезд сели в Можайске. Конечно, выступал на митингах, иг-

Впрочем, этот герой Островского сыгран в сорок четвертом году. До того был год семидесятый, когда сыгран Фомо Опискин. Были и тридцатый с триумфальными га-